

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Шершнева Ольга Александровна,

старший преподаватель кафедры философии и методологии науки
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье представлена историческая реконструкция феномена человекомерности, проводится сравнительный анализ гуманистических идеалов разных эпох, делается акцент на постнеклассическом понимании человекомерности и тех техногенных факторов, которые трансформировали представления о человеческой природе и человеческом в современном обществе.

Ключевые слова: человекомерность, гуманизм, гуманность, техногенное общество, технократизм, антропологический поворот.

RECONSTRUCTION OF HUMANITY IN CONDITIONS OF SOCIAL TURBULENCE

Shershnyova Olga A.

Senior Lecturer of the Faculty of Philosophy and Social Sciences
Belarusian State University

Annotation. The article presents a historical reconstruction of the phenomenon of human being, a comparative analysis of humanistic ideals of different eras is carried out, emphasis is placed on the post-non-classical understanding of humanity and those technogenic factors that transformed the ideas of human nature and humanity in modern society.

Keywords: human being, humanism, humanity, technogenic society, technocratism, anthropological turn.

Проблема человека, его идентичности, смысло-жизненных ориентиров и самоопределения всегда были и остаются остроактуальными. На протяжении всей истории человечества величайшие представители социально-гуманитарного знания озадачивались вопросами природы человека и его сущности. Несмотря на колоссальное количество как теоретических, так и практико ориентированных исследований в этой области (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, К. Ясперс и др.), эта тема остается по-прежнему открытой.

Кажется, что чем больше становится известно о бытийственных началах, фактах и модусах существования человека, тем менее прозрачным он является. Безусловно, природа человека многомерна и многолика, она динамична и всегда пребывает в стадии незавершенности и открытости, тем не менее сегодня можно наблюдать определенные трансформации природы человека, поэтому неслучайно наш век часто знаменуют как «второе осевое время» или «второй антропологический поворот».

Первый антропологический поворот произошел в начале XX века, был спровоцирован радикальными научными открытиями, бурным ростом нового знания и в итоге крушением идеалов классической рациональности с ее верой в безграничные возможности человеческого разума. Мировые войны, социальная и политическая всепланетарная нестабильность обострили интерес к живому человеку и его будущему. С одной стороны, антропологический поворот снова поставил в центр исторических перспектив самого человека, только уже не как абстрактного индивида, а как живую личность с присущими ей экзистенциальными параметрами, такими как страх, тревога, забота, ответственность, свобода, личностный выбор и т.д. Как отмечает Б. В. Марков, «это поворот к новому философскому обоснованию гуманитарных и социальных наук, в котором произошла...апелляция к проблематике человека во всей его широте» [1, с. 23].

С другой стороны, выработка новой парадигмы видения человека столкнулась с непреодолимыми трудностями, вызванными прежде всего редуccionизмом сути человека или к природному, или к биологическому, или к психологическому, или к метафизическому, или к культурному, или к социальному, или к инструментально-техническому. Построить целостное знание о человеке не увенчалось успехом потому, что многогранную природу человека нельзя свести к некому интеллектуальному конструкту, к заданной и уже готовой идее, «человек оказался безмерным в мире мер» [2, с. 260].

Такая ситуация правомерно ознаменовала собой необходимость поиска новых методологических оснований изучения природы человека. Нынешнюю современность можно квалифицировать как второй антропологический поворот, цель которого – реанимировать гуманитарные смыслы человеческого существования в мире и выстроить новый вектор целостности личностного бытия человека. Сделать это возможно посредством обращения к человекомерности как своеобразной методологической парадигме, включающей в себя проекции

«природомерности» и «социомерности» и ориентированной на место человека в бытии и на способ его ценностного духовного становления в самоорганизующемся мире, его окружающим и им же самим создаваемом.

Несмотря на то, что человекомерность особенно актуализируется в эпоху технократического общества, она не является исключительно современным конструктом, а уходит корнями в далекое прошлое и неизбежно отсылает к античному антропоцентризму. В античности «*humanitas*» – «человечность», обозначала духовную культуру, образованность, гражданственность. Человекомерность соизмерялась с культурой, разумностью, ученостью, энциклопедичностью, в том смысле греческий гуманизм воплощал в себе образец высокой человеческой культуры. Ориентация на такие добродетели, как справедливость, честность, истина, а также гармонию с обществом и природой выстраивала взаимообусловленность человекомерности с природомерностью и социомерностью. Нравственный идеал человека совпадал с рациональностью (поступать гуманно значит поступать разумно), и ограничивался исключительно сферой разума.

В средние века статус человека как «меры всех вещей» переосмысливается. Схоластическая направленность мировоззрения этой эпохи предопределила сакральный смысл гуманизма, который измерял человекомерность приобщением к боговдохновенным смыслам, соответственно ограничивал ее сферой божественного. Средневековое наследие наделило человекомерность, а вместе с ней и социомерность и природомерность божественной природой, тем самым замкнула их в границах духовной религиозной культуры.

Эпоха Ренессанса, возрождая античные идеалы, ознаменовала собой подлинно личностный этический гуманизм, признающий самоценность человека, его прав и свобод. Человек становится интересным не с точки зрения авторитета божественного и высших сакральных принципов, а как личность с ее потребностями, ценностными установками, целевыми ориентациями. Человекомерность эпохи возрожденческого гуманизма характеризуется отсутствием всяческих границ, налагающих запрет на волеизъявление человека. Безграничные возможности человека ускорили становление потребительской позиции по отношению к природе и смоделировали в социальной среде научно-прогрессистский вектор как ключевой. Соответственно наблюдается дисбаланс между человекомерностью, природомерностью и социомерностью.

Такой дисбаланс только усугубился в новоевропейской традиции, которая прошла под знаком механицизма и техницизма. Научная рациональность этого периода гуманизм соотносит с пользой и практикой. Человекомерность уступает место наукоцентризму, сам человек перестает быть мерой, превращается в субъект познания и становится в тоже время объектом познания. Гуманистические идеалы человеколюбия, морально-этические принципы соизмерятся с научным прогрессом как способом их реализации, выступают на вторых зависимых от науки началах и перестают обладать статусом самоценности.

Поворот к технизации нарушил технико-гуманитарный баланс в процессе цивилизационного развития, вытеснил человекомерность на периферию, но только он же и способен преодолеть разрыв между научно-техническим и гуманитарным, реабилитировать человекомерность, тем самым видится возможным коэволюция сферы технического и подлинно человеческого. Чтобы прояснить, на каких основаниях и при каких условиях возможна такая коэволюция, необходимо обратиться к анализу техногенного общества, его технократических идеалов и антропологическому измерению этого общества.

Техногенное общество – это общество, генезис которого осуществляется на основе достижений науки, развитых технологий и становления нового типа реальности - техносферы как урбанизированной искусственной среды. Техника (производственная, управленческая, транспортная, военная, научных исследований, культуры и быта и пр.) становится важнейшим фактором регламентации общественной жизни и необходимым условием ее развития.

В постнеклассическом понимании человекомерность – это «способность человека к разновекторной самореализации (качественная характеристика), а не только многовекторной (количественная характеристика), в процессе которой высвобождаются его творческие и деструктивные потенции» [3, с. 76].

Импульс к дальнейшей разработке данной проблематики дал В. С. Стёпин, который ввел представление о «человекоразмерности» в естественно-научные постнеклассические стратегии, обозначив необходимость «антропологического поворота» как в философии, так и в науке. Данный термин используется В. С. Стёпиным в контексте междисциплинарного анализа сложных систем, включающих человека и его деятельность в качестве составного компонента [4]. В. С. Стёпин показывает, что определение стратегии и возможных направлений

преобразования человекомерных систем непосредственно затрагивает «аксиологические, гуманистические аспекты и часто предполагает необходимость проведения гуманитарной экспертизы» [5, с. 28].

В постнеклассической науке утверждается парадигма целостности, согласно которой мироздание, биосфера, ноосфера, общество, человек и т. д. представляют собой единое целое. Проявлением этой целостности является то, что человек находится не вне изучаемого объекта, а внутри него, он лишь часть, компонент.

Таким образом, сложный постсовременный мир в виду тотальной технизации социальной реальности все больше измеряется в категориях систематизации, стандартизации, рационализации, формализации, виртуализации. Появились предпосылки для деперсонализации человека, его дигитализации и дегуманизации, все больше предупреждают человечество об «антропологической катастрофе», которая связывается с разрушением устойчивых культурных традиций при участии технической индустрии. Деструктивное влияние технических инноваций с точки зрения сторонников технофобии ведет к становлению «искусственной бесчеловечной техногенной реальности и расчеловечиванию человека» [6, с. 31], главными характеристиками которого становятся размытость самоидентификации, примитивность, манипулятивность, эгоцентризм.

В этой связи встает необходимость мыслить о человеке не в категориях готового данного сущего, а в категориях постоянной переориентации, навигации, поиска места. Как отмечает Смирнов С. А., «человек – не сущее, а меняющаяся, пульсирующая точка на онтологической карте [7, с. 28].

Список литературы

1. Марков Б. В. Антропологический поворот в философии XX в. // Очерки социальной антропологии / отв. ред. В. В. Шаронов. СПб.: Петрополис, 1995. С. 18–29.
2. Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы. В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. – СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2011. – 336 с.
3. Донникова И. А. Человекомерность в постнеклассическом понимании / И. А. Донникова // Міжнародна наукова конференція «Дні науки філософського факультету – 2012», 18-19 квітня 2012 р.: (матеріали доповідей та виступів) – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2014. – Ч. 3.– С. 74–76.
4. Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

5. Стёпин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Стёпин. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

6. Смирнов С. А. Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. – 2017. – № 2. – С. 23 –35.

7. Смирнов, С. А, Яблокова Е. П. Антропологические границы гуманитарной экспертизы // Философская антропология. – 2019. Т. 5. № 1. С. 26–44.